

СКАЗАНИЕ О ГЛАВНОМ ИНЖЕНЕРЕ И ГОЛОВНОМ БРИГАДИРЕ

Гостиница была до отказа заполнена командированными из Москвы, Ленинграда, Каунаса, Перми и других городов. Судя по всему, — проектировщики, наладчики. Некоторых я видел здесь еще в сентябре. Они знают друг друга, и гостиничные дежурные знают их. По вечерам в холле у телевизора собирается тесная компания. Из отрывочных разговоров улавливаю, что эти люди озабочены одним: сдать в эксплуатацию лакокрасочный завод, тот самый «химдым», о котором рассказывал мой попутчик Семен на станции Низовка. Завод замышлялся как фенольный, должен был использоваться как основное сырье отходы комбината. Кажется, даже была выдана пробная продукция. Но вдруг строительство почему-то законсервировали; консервация продолжалась почти пятнадцать лет. Наконец решили поменять технологию, оборудование и выпускать лакокрасочные материалы... из привозного сырья. Прав был Семен, когда говорил, что к концу года начнется предпусковой штурм, но 31 декабря акт будет подписан. Еще кто-то сказал мне, что в течение многих лет на заводе был директор строящегося предприятия некто Смирнов, хотя за эти годы почти ничего не строилось. Теперь я часто слышу в гостинице эту фамилию. «Вам должен был позвонить Смирнов и забронировать мне место...», «Завтра пойдем к Смирнову и попробуем согласовать изменения в системе аварийного сброса...», «Если Смирнов не подпишет акт, то в институт можно не возвращаться...»

Да, видимо, этот Смирнов серьезный товарищ.

Но не менее часто я слышал фамилию Зарума. До раннего знакомства с ветераном Исаевым я не

придавал значения тому, что командированные говорили: «Без Зарумы этот вопрос никто не решит...», «Если Зарума пообещал — значит, сделают...», «Чего он сидит в этой Коноше, Зарума? Что они там строят?..», «Секретарша сказала, что Зарума приедет в конце недели...»

Это же сказала секретарь и мне:

— Главный инженер возвратится из командировки к концу недели. В понедельник — снова на объекты. Сами понимаете, конец года. А строим мы теперь в радиусе пятисот километров. В основном объекты по плану Нечерноземья. Попытайтесь поймать его в субботу с утра. Или в воскресенье...

— Удобно ли в выходные дни?

Секретарь посмотрела на меня как-то странно.

— У Евгения Алексеевича выходных практически не бывает. Тем более — в декабре. Собственно говоря, я даже не помню, когда он был в отпуске... Может, зайдете к управляющему? Он на месте. Могу вас представить. Обычно журналисты идут к Петру Никифоровичу...

— Спасибо. Подожду до субботы...

На первом этаже трестовского здания приютилась многотиражка. Решил заглянуть к коллегам. Тем более что обещал, но все не находил времени. По многолетнему опыту соборовской работы знаю: местные газетчики — самые добрые, бескорыстные, неоценимые помощники заезжего журналиста. По отношению к коряжемским друзьям эту формулу можно возвести в степень.

Вся редакция в сборе. Николай Николаевич Шкаредный рисует макет очередного номера газеты. Стол его, торцом приткнутый к окну, завален, как обычно, материалами и тассовскими пластмассовыми клише (ничего не поделаешь, своего фотокорреспондента в штате нет, приходится пользоваться услугами рабкоров, а они не всегда обеспечивают загон нужных газете снимков).

В одну линию с редакторским, ближе к входной двери, стоит стол литературного сотрудника Нины Васильевны Ремизовой — человека многогранной эрудиции и завидной энергии. По специальности Нина Васильевна — инженер-сплавщик, по призванию — журналистка от бога. Статьи за ее подписью я часто встречал в республиканских газетах Коми АССР (когда-то она жила и работала в Ухте), в архангельских газетах; ее очерки, репортажи, зарисовки смотрел и слушал по област-

ному телевидению и радио. Ремизова относится к категории журналистов, о которых говорят: цепкий, воющий. Инженерное образование помогает ей проникать в предмет описания глубоко, ставить проблемные вопросы со знанием дела, а беспокойный характер и профессиональная честность не позволяют поступиться правдой. А это особенно трудно в условиях многотиражной, так сказать, ведомственной газеты, печатного органа администрации, которая не всегда любит выносить сор из избы. Ремизова к этому сомнительному девизу относится крайне критически.

Бойкая Ремизова встретила шумными восклицаниями, тут же пожурила за то, что не захожу, не преминула приревновать к бумажникам, хотя строители — тоже важная отрасль трудовой Коряжмы.

— К чему заходить, когда ваших начальников с огнем не сыщешь! — пытался отшутиться я.

— А-а-а, вам, значит, нужны только начальники! — не унималась Нина Васильевна. — Мы-то по простоте душевной думали, что вы певец рабочего класса. Вам же начальников подавай...

— Разве нынешние наши инженеры не относятся к передовому отряду рабочего класса? — парировал я. — Они работают без выходных и отпусков, круглосуточно мотаются по объектам...

— Постойте, постойте! — перебила Ремизова. — Не нашего ли Евгения Алексеевича вы имеете в виду?

— Его...

— Боже мой, как я раньше не подумала! — Она постучала себя кулаком по лбу. — Ведь давно хотела «наравить» на него заезжего очеркиста... Этот человек достоин всесоюзной известности...

— А вы сами почему медлите, если достоин?

— Мне ли портить такой материал?! Кстати, о нем у меня уйма записей. А вот взяться за серьезную вещь не могу по двум причинам. Во-первых, боюсь, что порошу не хватит. Такого человека надо описывать анфас, в профиль, изнутри. Во-вторых, Евгений Алексеевич — мой начальник. И если я опишу его без малейших прикрас (а иначе описать его невозможно), то не все поймут правильно... А вы возьмитесь...

— Но ведь заставить вашего Евгения Алексеевича в кабинете невозможно.

— Мы тоже не можем, — сказал Шкаредный, хотя позарез надо бы для новогоднего номера.

— Нам проще, — успокоила шефа Нина Васильевна, торопливо перебирая бумаги в ящиках стола. — Ага, вот! — Она раскрыла толстую тетрадь, полистала ее и потребовала тишины. — Слушайте штрихи к портрету. Можете записывать. Пригодится... Зарума родился в 1930 году на Львовщине. Работать начал с девяти лет. После войны окончил школу. Служил на Дальнем Востоке в механизированных войсках. Был командиром орудия. Демобилизовался в 1954-м. По пути домой друг-однополчанин уговорил на несколько дней заехать погостить в деревню Черевково Красноборского района Архангельской области. Заехал. Погостил. Влюбился. Женился на своей Нине Ивановне. Хотел увезти молодую супругу на родину. Но в Черевкове пошли разговоры о строительстве Котласского ЦБК. Решили съездить в Коряжму, посмотреть. Съездили. Посмотрели. Прикипели. Покорил размах стройки. В Заруме с детства жила неумная страсть к строительству. Поступил в трест плотником. Вскоре назначили бригадиром. Рубил первый барак. Возводил капитальное здание детских яслей на улице Комбинатовской. Руководители стройки заметили исключительные способности и безупречную добросовестность Зарумы. Поскольку стройка утопала в болоте, приступили к сооружению дренажной системы. Евгения Заруму назначили мастером; он был артиллеристом и хорошо знал геодезию... Затем в тресте организовали специализированное управление нулевых циклов, куда Заруму определили прорабом. И это без всякого специального образования. Учиться начал значительно позже. В 1962-м окончил строительный техникум, в 1969-м — институт. Сразу же после диплома — главный инженер треста, чем и обременен по сегодняшний день.

Приметы. Выше среднего роста. Смуглолиц. Черноголов (был; теперь шевелюра пепельного цвета). Глаза темные, добрые, пронизательные. Улыбка обворожительная. Руки костистые, спокойные.

Семейное положение. Малосемеен. Жена — Нина Ивановна — двадцать пять лет работает в СМУ-2, начальник производственно-технического отдела. По деловым и человеческим качествам всю жизнь стремится ни в чем не уступать мужу. Дочь окончила Ленинград-

ский строительный институт, работает в Великих Луках.

Вредные привычки. Совершенно не пьет и не курит. Пренебрежительно относится к деньгам. Презирует сквернословие. Ненавидит угодничество.

К вредным привычкам главного инженера следует отнести крайне наплевательское отношение к своему здоровью. Питается несвоевременно, кое-как, особенно в командировках, которые занимают значительную часть служебного времени. О личном времени Евгения Алексеевича говорить трудно: такого времени у него практически нет. С медициной предпочитает общаться только в тех случаях, когда она, медицина, выступает в качестве заказчика строительства объектов здравоохранения. Но однажды, будучи в Архангельске на совещании, неожиданно почувствовал сильные боли в желудке и впервые в жизни был доставлен в больницу. Рентген обнаружил две серьезные язвы, от которых за неделю не отделаешься. Врачи обещали подлечить за два месяца. Это случилось в августе 1975 года. А в начале сентября главный инженер сбежал в Котлас, где надо было строить элеватор сметной стоимостью в два с половиной миллиона рублей. К тому времени строители освоили на этом объекте всего 500 тысяч. Евгений Алексеевич взял особо важную стройку под контроль и заявил, что элеватор будет сдан в срок. В это никто не верил. Не поверили и в Москве, когда в конце декабря была приглашена государственная комиссия. Там считали, что за три с половиной месяца освоить на таком объекте два миллиона рублей физически невозможно. Однако элеватор был построен и сдан в эксплуатацию с оценкой «хорошо». В январе уже применяли первое зерно, а в феврале вышли на проектную мощность...

Служебные принципы и личные привязанности. Обожает промышленное строительство. Считает, что жильем может заниматься любая девочка, только что окончившая институт. Убежден, что нет плохих рабочих, есть плохие руководители. Главные командиры любой стройки — бригадир и мастер. Если это деловые и добросовестные люди, то от них зависит все. Начальники самого высокого ранга не смогут решить на самом высоком уровне то, что могут сделать мастер и бригадир... Когда сдавали третью очередь комбината, на строительной площадке постоянно находились десятки начальников, которые наивно полагали, что своим при-

сутствием помогают двигать дело. Но истинными двигателями, обеспечившими успех, были бригады, мастера, прорабы. К человеческим слабостям относится терпимо, но презирует ложь. Вранье прощает только один раз. «Ты соврал мне, я соврал выше, и так далее... В результате — сплошная цепь вранья. Всю жизнь можно ничего не делать, выкручиваться и всегда находить оправдания. У нас так дело не пойдет. Я больше тебе не верю. А без взаимного доверия работать невозможно...» За время работы главным инженером Евгений Алексеевич вырастил в тресте прекрасную плеяду специалистов, которым безгранично верит. Эти люди занимают руководящие посты — от начальников отделов до прорабов, мастеров, бригадиров...

Один из важнейших служебных принципов Зарумы — стремление к творческой самостоятельности на всех структурных уровнях треста. Он говорит: «Если жить по инструкции, то надо сидеть сложа руки и ждать указаний. Это не метод работы для уважающего себя инженера. Находит тот, кто ищет...» Результаты такого принципа: трест не смог бы успешно работать, построить комбинат, поселок и десятки других крупных объектов, не будь у него базы строительной индустрии. Она спроектирована и возведена, естественно, своими силами. По вопросам проектирования собственного строительства руководители треста никогда не обращаются в главк и соответствующие институты. В техническом отделе имеется группа из четырех толковых проектировщиков и двух сметчиц. Эти люди работают под шефским оком главного инженера и оперативно удовлетворяют все нужды собственного проектирования. «Попробуй, достучись в какой-нибудь институт — годы угробишь», — говорит Зарума. Между тем он создает редкостно доброжелательную и деловую атмосферу между трестом, проектными институтами, заказчиками и субподрядными организациями. Когда готовили к сдаче третью очередь комбината, в работе одновременно находилось 260 объектов. По каждому из них Евгений Алексеевич досконально знал проектную документацию. Он считает, что строительный инженер любого ранга (а главный инженер особенно), должен зубок знать проект. Только при этом условии можно технически грамотно и экономично строить, предметно разговаривать с субподрядчиками и заказчиками. Один из коронных лозунгов Зарумы —

«Надо постоянно изучать заказчика». Благодаря этому трест никогда не срывает пусковых сроков по своей вине... Одновременно на четырех крупнейших целлюлозно-бумажных комбинатах страны возводились третьи очереди. Только трест № 6 Главархангельскстроя уложился в установленные правительством сроки. Предтечей любого успеха Евгений Алексеевич считает незыблемую традиционную дисциплину. Он любит напоминать о том, что Михаил Ефимович Сафьян создал трест, руководил им десять лет, наладил прочную производственную и технологическую дисциплину, заложил основу добрых традиций коллектива. Пятнадцать лет Сафьян уже не руководит трестом, но запущенное им колесо не сбавляет оборотов. За этот период сменилась значительная часть работников треста, но добрые традиции живут и множатся. Евгений Алексеевич глубоко убежден, что у каждого человека должна быть своя рабочая Гренада. Одна на всю жизнь! Многократно его приглашали в главк, сулили высокие должности в Архангельске. Наотрез отказывался: «Я не смогу там работать. Мне надо ежедневно бывать на строительных площадках, общаться с рабочими. Кабинет — это собрания и совещания. А я хочу строить!» Обожает кадровых рабочих, которые трудятся в тресте по 20—25 лет. Ему безгранично дороги люди, с которыми начинал возводить комбинат и поселок, которые выросли, повзрослели и состарились на его глазах...

Особые приметы. Член Коммунистической партии Советского Союза. Орденоседец. Заслуженный строитель РСФСР. Человек большой душевной красоты и редкостного обаяния...

— Ну вот, — тяжело вздохнула Нина Васильевна и захлопнула свою толстую тетрадь. — Я дала вам материал на целый роман. Остальное дополните сами.

— Дополню, если поможете встретиться...

— Помогу, — твердо пообещала Ремизова. — Мы с Евгением Алексеевичем в хороших отношениях. Он любит газетчиков. Очень интересно и много рассказывает приезжим о тресте, о людях, о перспективе строительства четвертой очереди комбината, но ничего — о себе. Кто знает, может быть, вам и удастся что-нибудь выудить. Записи я делала в течение многих лет. А теперь, видит бог, отдаю задаром. Только пишите! А славой как-нибудь сочтемся... Если он появится в конце недели, то

постараюсь договориться о встрече и позвоню вам в гостиницу...

Нине Васильевне не удалось выполнить своего обещания: Зарума не появился в Коряжме ни в субботу, ни в воскресенье. Он продлил командировку и прямо из Коноши отбыл на сельские объекты.

Встреча состоялась только в середине апреля, в сложную для треста пору весенней распутицы. Главный инженер был очень занят, но Ремизова все же договорилась о часовой аудиенции.

Я вошел в просторный кабинет и увидел за большим столом человека с усталым лицом и очень добрыми глазами, изучающие смотревшими на меня из-под густых бровей. Внешний портрет Зарумы, подаренный мне Ремизовой, полностью совпадал. На полированной крышке стола играли электрические блики. Ни одной бумажки. Только чернильный прибор, часы и пепельница. Позже мне рассказывали, что это традиционное состояние рабочего места главного инженера. Когда ему приносят почту или документы на подпись, он все просматривает и тут же возвращает. Если Зарума остается в кабинете один, он сидит за пустым столом и думает. Настоящему инженеру необходимо для раздумий время...

Евгений Алексеевич поднялся навстречу, но его отвлек телефонный звонок.

— Снова любимая Коноша, — извинительно сказал он, беря трубку. — Третий раз добиваются... ужасная связь...

Связь была действительно ужасной. Кто-то обращался к главному инженеру за помощью, а он в течение десяти минут не мог понять, чего же от него хотят. Наконец догадался и столько же времени повторял одно и то же, поскольку человек на другом конце провода не мог расслышать указания главного инженера.

— А что вы строите в Коноше? — спросил я, чтобы завязать деловую беседу, так как был заранее предупрежден: для Зарумы разговоры о строительномонтажных работах, планах, объектах — лучшая музыка.

— Много строим, — ответил он, положив на стол смуглые костистые руки. — Мощный элеватор, комбикормовой завод производительностью 630 тонн в сутки, базу строительной индустрии стоимостью в три с половиной миллиона рублей, крупнейший свиноводческий, моло-

козавод, Сельхозтехнику... За пятилетку в Коноше должны освоить сорок миллионов. Вообще, надо сказать, за последние годы восемьдесят процентов всех работ ведем на селе. В Сольвычегодске сдали животноводческий комплекс на восемьсот голов и стопятнадцатиквартирный дом для тружеников совхоза. Сейчас такой же дом заканчиваем в совхозе «Песчанский», где будет сооружен крупнейший по северным масштабам комплекс на десять тысяч голов крупного рогатого скота. Короче говоря, претворяем в жизнь решения партии по Нечерноземью. Задача, сами понимаете, огромной государственной важности и сложности. Строим в радиусе пятисот километров. Конечно, когда основные объемы годовых планов мы осваивали по ЦБК или в Котласе, все было стабильно и просто. В тресте — свыше шести тысяч человек, до тридцати подрядных организаций. Попробуйте управлять таким коллективом при нынешней разбросанности, а главное — при отсутствии в течение большей части года проезжих дорог. Кадры у нас прекрасные. И задача в том, чтобы в этих сложных условиях сохранить коллектив. Рано или поздно начнем строить четвертую очередь комбината. Люди с пониманием относятся к трудностям. Но если, скажем, женщины ежедневно приходится затрачивать на проезд до пяти часов к месту работы и обратно, а дома семья, дети, все традиционные нагрузки и заботы, то здесь, знаете, могут не выдержать даже самые сознательные и преданные...

— Почему же столько времени тратится на дорогу? Зарума горько улыбнулся.

— Из-за отсутствия дорог. Например, до Песчанского — пятьдесят километров. По зимнику полтора часа езды. Но зимник вот-вот раскиснет. Вернее, дорога еще некоторое время будет держаться в проезжем состоянии, но перевозить людей через реку уже опасно. С началом навигации начнем возить рабочих по реке. Арендуем катера у пароходства. Это очень дорого. Судите сами: если в Коряжме 100-квартирный дом стоит 700 тысяч рублей, то в Песчанском — миллион. Основное удорожание строительства за счет транспортных расходов. Катер идет до совхозной пристани около двух часов, а там еще надо везти людей три километра на машине. Хорошо, если сухо. А если прошел дождь, то эти три километра преодолевают пешком. Легко понять, что к месту

работы люди добираются порядочно уставшими. А ведь трудовой день — впереди. Затем обратный путь...

— Какой же выход?

— Выход один, — убежденно сказал Евгений Алексеевич. — В проекты строек Нечерноземья надо в обязательном порядке закладывать дорожное строительство. На первый взгляд это дорого. Но если к делу подойти по-хозяйски, то в выигрыше окажутся не только строители. Как-нибудь отмучаемся, построим и уйдем. А животноводческие комплексы — это крупнейшие сельскохозяйственные заводы, которые надо грамотно эксплуатировать. Попробуйте хотя бы на день отрезать ЦБК от всех транспортных артерий — и он не сможет нормально работать. Совхозы же практически отрезаны большую часть года.

— Евгений Алексеевич, трест может вести интенсивное дорожное строительство? — поинтересовался я.

— Может. И должен. Хотя и у нас свои сложности. Щебень, к примеру, возим из Перми и Архангельска. Но если дорожным строительством заняться всерьез, то можно проработать этот вопрос на высоком инженерном уровне. А когда нам на весь 1979 год отпущены жалкие крохи на дорожное строительство, заниматься какими-то радикальными проработками нет ни времени, ни смысла, ни желания...

Дверь отворилась — и на пороге кабинета выросла мощная фигура в нейлоновой куртке.

— Евгений Алексеевич, прошу прощения, но у меня горящий вопрос, ждатель некогда, — озабоченно проговорил вошедший, направляясь к столу главного инженера. — Здравствуйте... Вы, наверное, в курсе дела, что на реке...

— Выступила вода, — договорил Зарума. — Знаю, Вячеслав Георгиевич... Ты принял правильное решение...

— По поводу?

— Трапов.

— Поднял коряжемских стариков, рыбаков... Всю ночь искали место наиболее безопасного перехода. Спорили чуть не до драки. Одни утверждают: лед всегда крепче здесь, другие — здесь.

— Договорились?

— Кое-как... Я лично перевел всех на тот берег... Но еще три-четыре дня такой погоды и ходить станет

вообще опасно. Я не могу рисковать... А малярку в Песчанском надо закончить. Что будем делать?

— Да, дом надо закончить во что бы то ни стало. У тебя есть предложения?

— Есть.

— Хорошо... Ты где будешь?

— На ДOME культуры. Завершаем подвеску потолка.

— И как получается?

— По-моему, неплохо...

— Решил остановиться на терразитовой штукатурке?

— Решил. Надо когда-то пробовать. А «Родина» тот самый объект, где бог велел... Вы же понимаете: быстро, дешево, красиво. А главное — вечно.

— Согласен. Делай, — разрешил главный инженер. — Кстати, вам было бы интересно познакомиться с этим товарищем, — обратился он вдруг ко мне. — Это Вячеслав Георгиевич Трофимов — наш знаменитый головной бригадир.

— Почему головной? — не понял я.

— Трудится по злобинскому методу, возглавляет бригадный подряд, — пояснил Зарума. — Сам он руководит отделочниками, так сказать, замыкает строительный цикл и предьявляет объект государственной комиссии. Но в договоре на бригадный подряд под его началом трудятся: «нулевики», монтажники-каменщики, сантехники, электромонтажники, плотники, кровельщики — все, от кого зависит строгое соблюдение строительно-монтажных сроков, предусмотренных технологическими картами... Он у нас очень деловой товарищ...

— Не надо, Евгений Алексеевич, — совсем по-детски смутился Трофимов. На его щеках выступил румянец. — Я пошел. Буду ждать вас на объекте. Вопрос надо решить сегодня. Время поджигает...

— И лед подпирает, — добавил Зарума. — Но мы его обманем...

Бригадир ушел. Главный инженер сидел молча, что-то вспоминая, потом сказал:

— Золотой парень. А вот в юности любил похулиганить.

— Не похоже... Такой застенчивый...

— Да-да, — кивнул Зарума. — Уроженец Сочи. Учился в Симферопольском техникуме пищевой промышленности. За несколько недель до защиты диплома участвовал в драке, был осужден...

— И что, много получил?

— Для девятнадцатилетнего юноши — немало.

После «демобилизации» поступил на ЦБК слесарем, но проработал недолго. Не понравилось. Был уже заражен лихорадкой строительных будней. Пришел в СМУ-2 и попросился в отделочники. Ему предложили возглавить женскую бригаду маляров-штукатуров. Был у девчат неплохой бригадир, но испортился, стал не вовремя закусывать. Пропьанствует, а потом наряды пишет «от фонаря». Решили заменить. Женщины взбунтовались: «Не надо нам другого бригадира, у нас хороший, мы прилично зарабатываем. А этому двадцать пять лет... Что он видел? Что понимает?..» И это на собрании, когда представляли нового бригадира. Трофимов не растерялся: «Ничего, девчата, будем работать. Со мной не пропадете». Поручили им отделку детского сада. Закончили досрочно. Зарботки получились высокие. Потом два подъезда в жилом доме собственного строительства. Там ситуация была сложная. Весь год заканчивали объекты заказчика, свои оставляли на закуску. И время, конечно, упустили. Оставалось два месяца. Если дом не сдадим — пропадут деньги, семьи рабочих не получат жилья, которого всегда не хватает. В то время бригада Славы была малочисленной — около двадцати человек. Трофимов провел бригадное собрание, объяснил задачу, сказал, что работать придется до седьмого пота. Девчата поддержали. Дом сдали вовремя и с хорошей оценкой. Опять получились высокие зарботки. Быстро стал набирать силу авторитет бригадира. К нему стали проситься отделочники других участков и управлений. Но Трофимов решил наращивать мощь за счет молодежи — брать выпускниц школ, обучать их бригадным методом. Сейчас у него очень сильная бригада — пятьдесят человек. И, что очень ценно, удивительно стабильный состав. За двенадцать лет уволилось по разным причинам, как правило семейным, пять-шесть человек...

Как только заговорили о злобинском методе, Трофимов пришел ко мне с готовым предложением. Мы подумали с ним, взвесили все «за» и «против» и пришли к выводу, что бригада его малочисленная и переводить ее на подряд нельзя, потому что новый метод теряет свой смысл, если он не предусматривает резкого сокращения сроков окончания строительства. Тогда-то он и начал

пополнять свои ряды. Первой по методу Злобина стала работать бригада Степана Григорьевича Омельчука. Слава Трофимов постоянно бывал у соседей, присматривался, делился своими мыслями, помогал словом и делом. На первом же доме Омельчук доказал полную приемлемость злобинского метода в наших условиях. Трофимов стал вторым головным бригадиром в тресте. Затем пошли третьи и четвертые. Я уже говорил, что всяких закорюк и трудностей у нас много. Очень тяжело в нынешних условиях работать рентабельно. Но, повторяю, у нас золотые люди...

— Сколько лет Трофимову? — спросил я.

— Он еще молодой: сорок третьего года рождения.

— Женат?

— Да. Хорошая семья. Растут две девочки. Жена работает на комбинате...

— Он учится где-нибудь?

— Учится много и настойчиво. На работе, дома и везде, где только случается бывать. Много покупает и читает литературы по передовым методам ведения общестроительных, монтажных и особенно, естественно, отделочных работ. Старается не пропускать всевозможные экскурсии и семинары. Даже из отпуска привозит новинки... — Евгений Алексеевич тихонько рассмеялся. — Как-то поехал в Москву для участия в пятидневной школе передового опыта по оформлению интерьеров. Возвратился поникший и даже возмущенный. Рассказывает: привели слушателей в новый дом, где применяются для отделки новейшие материалы. Перед подъездом велели тщательно вымыть ботинки, ни к чему не прикасаться. В следующем подъезде еще шли отделочные работы. Ребята стали проситься туда. Им говорят: «Это не для экскурсантов...»

Мы посмеялись вместе.

— На каком объекте вы договорились встретиться? — спросил я.

— Идет реконструкция бывшего кинотеатра «Родина» под Дом культуры строителей. Трофимов предложил применить там множество всяких новинок. В частности, очень простой, дешевый и практичный вид отделки. Фантазия у него богатейшая. Но не всегда возможно реализовать задумки. Однако Вячеслава трудно остановить, если считает себя правым. Он может запросто пойти на

прием к первому секретарю горкома, попросить, даже потребовать. Такие случаи были. И не раз... А то на партийном собрании так раздает своих начальников, что не знают, куда глаза прятать...

— Он коммунист?

— Да. Мы приняли его в партию пять лет назад. И медалью награжден «За трудовую доблесть»... Знаете, я просто влюблен в этого человека. Будет время, взгляните в «Родину». Это совсем близко, два квартала. Познакомьтесь с ним поближе...

Я заглянул. И близко познакомился с Трофимовым. И очень рад, что в число своих друзей записал еще одного подлинного представителя нашего рабочего класса.

А в ту ночь мне снилась весенняя Вычегда в полынях. Между полыньями были уложены мостки, по которым люди опасливо переходили на противоположный берег. Впереди двигался Вячеслав Трофимов в своей поблескивающей нейлоновой куртке. Он внимательно прощупывал лед высоким посохом. На правом берегу реки стояли фургоны и ждали бригаду, чтобы по разбитому зимнику отвезти людей в совхоз «Песчанский»...

Рано утром я поднялся с постели, пошел на берег и все увидел наяву. Может быть, это мистика. Но я убежден, что иногда сны бывают вещими...

